

Preis 50 Pfennig

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Herausgeber: I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff

Подписная цена в Берлине и пригородах, с доставкой собственными рассылочными ежедневно на дом — 10 мар., почтою 10 мар., при ежедневной непосредственной высылке газетой — 15.00 мар. в месяц. Внѣ Германіи: Во Францію — 6 фр., Бельгію — 6 фр., Голландію — 1 1/2 фл., Данію — 3 кр., Норвегію — 3 кр., Швецію — 2 кр., Англію — 3 шилл., Італію 10 лиръ, Америку — 1/2 долл., Швейцарію — 3 фр., Испанію — 3 пес., Финляндію — 17.80 герм. мар., Латвію — 17.80 герм. мар., Австрію — 15.00 герм. мар., Венгрію — 15.00 герм. мар., Чехословакію — 17.80 герм. мар., Румынію — 17.80 герм. мар., Болгарію — 17.80 герм. мар., Турцію — 17.80 герм. мар., Литву — 17.80 герм. мар., Эстонію — 17.80 герм. мар., Юго Славію — 17.80 герм. мар., въ Польшу — 17.80 герм. мар. въ мѣсяць. Для военнопл. подл. въ конторѣ „Руля“ за 1 мѣсяць 8 м. Къ заказу просятъ прилагать деньги, въ избытокъ замедленія высылки.

Объявленія 1.— марки за строку напепари (Ширина строки — одна восьмая часть страницы), для пишущихъ мѣсть и для розжовъ — 2 мар. за строку. Пріемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus“, Berlin SW 68, Koenigs. 22-28, и во всѣхъ городъ-кахъ отдѣльных Улштейна, а также и въ редакціи газетъ „Руля“, Berlin SW 68, Markgrafenstrasse 73. Редакция открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 часовъ дня. Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 3 до 4 час. дня. Телефонъ редакціи: Moritzplatz 47-61.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ
А. И. Каминки и В. Д. Набокова.

При ближайшемъ участіи **I. В. Гессена, проф. А. И. Каминки и В. Д. Набокова.**
Вторникъ, 13 сентября (31 августа) 1921 года.

1-й г. изд.

250-й

Событія въ номерѣ:

Чичерина.
и Сов. Россіи. — Бор. Ор.
Александра Яблоновскаго.
и судьба
Николая II.

Событія дня.

Выступление Нансена въ Женевѣ.

(Отъ собственного корреспондента).

Женева, 10. 9.

Лицо, близко стоящее къ Лигѣ Націй, сдѣлало вашему корреспонденту по поводу здѣшняго выступления Нансена слѣдующее заявленіе:

Соглашенія, заключенныя Нансеномъ, проникнуты духомъ довѣрія къ совѣтскому правительству. Нансенъ ссылается при этомъ на свои благоприятныя наблюденія, вынесенныя при переговорахъ о возвращеніи военнопленныхъ. Однако Нансенъ долженъ понимать, что не всѣ могутъ раздѣлять такое довѣріе и что его собственныя наблюденія, сдѣланныя имъ ранѣе въ совѣтской Россіи, не могутъ служить оправданіемъ безусловнаго довѣрія къ большевикамъ. Другія лица, имѣвшія дѣло съ большевиками, вынесли изъ сношеній съ совѣтскимъ правительствомъ впечатлѣнія совсѣмъ иного рода и не могутъ безъ улыбки выслушать доводъ Нансена, что, если совѣтское правительство заботилось объ участіи военнопленныхъ иностранцевъ, то оно проявило тѣмъ большее печеніе, разъ рѣчь идетъ о русскихъ гражданахъ. Нансену можно было бы возразить, что до сихъ поръ совѣтское правительство относилось къ иностранцамъ гораздо лояльнѣе, чѣмъ къ своимъ соотечественникамъ, разъ они не были сторонниками ихъ партіи. Что касается утвержденія Нансена, будто совѣтское правительство не только выполнило свои обязательства по отношенію къ военнопленнымъ, но даже сдѣлало больше, чѣмъ было обязано, то на это необходимо отвѣтить, что иногда можетъ быть действительно прибавлено въ временныя пункты болѣе обѣщанныхъ 4 000 военнопленныхъ, но часто транспорты не приходили. Временами приходилось принимать особыя мѣры для того, чтобы добиться отправки условнаго количества военнопленныхъ. Объ этомъ Нансенъ умалчиваетъ.

на такую позицію встало бы каждое цивилизованное правительство, въ самомъ дѣлѣ отдающее себѣ отчетъ въ своей отвѣтственности за судьбу населенія, понимающее необходимость во что бы то ни стало добиться международнаго сдѣлания. Но для большевиковъ, вѣдь, не писанъ даже самый элементарный нравственный законъ, — гдѣ ужъ тутъ ожидать пониманія болѣе сложныхъ и тонкихъ требованій международнаго общенія! Впрочемъ, она и не хочетъ ихъ понимать. Ей важно использовать предложеніе международной комиссіи для обычной агитаціи своей, и она это дѣлаетъ съ обычной откровенностью и испытаннымъ цинизмомъ.

При создавшемся положеніи вопросъ о международной правительственной помощи Россіи приходится, повидимому, считать исчерпаннымъ. Такой помощи во всякомъ случаѣ не будетъ. Остаются Хуверъ, помощь международнаго Краснаго Креста, Нансенъ съ его широкими финансовыми планами и — само совѣтское правительство. Въ воскресныхъ телеграммахъ передавались еще предложенія французскихъ политическихъ круговъ о замыслахъ, арбітражныхъ въ Лондонѣ. Тамъ, какъ мы знаемъ, не очень склонныя приходиться въ волненіе изъ-за дипломатической переписки, и рѣзкости чичеринскаго пера давали даже поводъ престарѣлому Бальфуру состязаться съ нимъ въ эпистолярномъ остроуміи. Тамъ ввѣять положеніе и извлечь изъ него

Въ общемъ Нансенъ своей рѣчью хотѣлъ, повидимому, доказать, что при заключеніи соглашенія съ Чичеринымъ онъ придерживался правильной тактики. Если бы Нансенъ ограничился заявленіемъ, что большаго онъ достигъ не могъ, то ему повѣрили бы. Но если онъ утверждаетъ, что достигнутое имъ соглашеніе представляется вполне удовлетворительнымъ, то, къ сожалѣнію, приходится высказывать сомнѣнія въ правильности такого утвержденія.

Вопросъ о продолженіи дѣятельности международной комиссіи помощи.

(Отъ собственного корреспондента).

Парижъ, 11. 9.

Засѣданіе международной комиссіи помощи голодающимъ будетъ по всей вѣроятности созвано немедленно по окончаніи переговоровъ, которые ведутся въ настоящее время между державами согласія по поводу отказа московскаго правительства допустить анкетную комиссію въ Россію. Созванъ засѣданіи комиссіи официально отсроченъ подл. предлогомъ необходимости подтвержденія текста нота Чичерина, принятый въ Парижѣ въ исчерпанномъ видѣ. Дѣйствительная причина отсрочки засѣданія состоитъ въ томъ, что мнѣнія державъ по вопросу о помощи голодающимъ разошлись. Французы высказываются за упраздненіе международной комиссіи, итальянцы же наоборотъ желаютъ, чтобы комиссіи продолжала свои работы. По ихъ мнѣнію, международная комиссія могла бы дѣйствовать черезъ посредство окраинныхъ государствъ, поддерживая ихъ денежными средствами, доставляя имъ продовольствіе для отправки въ голодающія мѣстности и оказывая имъ содѣйствіе въ борьбѣ съ эпидеміями.

Французскимъ министерствомъ народнаго здравія приняты мѣры противъ занесенія во Францію изъ Россіи эпидеміи черезъ посредство лицъ, прѣзжающихъ туда, или изъ окраинныхъ государствъ.

всю возможную выгоду, — разумѣется, для Англии. Предупрежденія, идущія отъ французской печати, едва ли будутъ тамъ имѣть успѣхъ...

А что же Россія? Кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ? Россія живо разлагается. Огромныя ея части, обычно служащія ей житницей, отмираютъ, обращаются въ пустыню. Самарскую губернію придется вновь колонизировать. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году поля останутся незабѣянными, а населеніе вымираетъ или разбѣгается, то бѣдствія 1922 года превзойдутъ — для могущихъ еще остаться жителей — бѣдствія теперешняго. То же самое происходитъ по всему Поволжью. Голодъ, нищета, безпомощность, смерть — вотъ неизбежныя коммунистическіе итоги, результатъ четырехлѣтняго бѣснованія преступныхъ безумцевъ.

А они? Они чувствуютъ себя превосходно. Вчера они произвели въ заговорщики Лазаревскаго — за ученія изслѣдованія, Тихвинскаго — за докладъ о нефти, и разстрѣляли ихъ. Завтра они произведутъ въ заговорщики Киншкина... Не завтра, — сегодня они уже это сдѣлали. Что можетъ ихъ остановить? Они провели уже давно черту, отдѣляющую ихъ отъ остального человѣчества. И въ примѣненіи къ ихъ чернымъ дѣламъ говорить о совѣсти, о чести, о справедливости — значитъ осквернять эти понятія.

Польша и совѣтская Россія.

Взаимоотношенія между Польшей и Совѣтской Россіей уже сильно обострились. Въ газетахъ снова приводится текстъ ноты, въ которой польскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Скирмунтъ обратился къ Чичерину, обвиняя совѣтское правительство въ нарушеніи ряда пунктовъ Рижскаго договора. Въ отвѣтной нотѣ совѣтскаго правительства самый фактъ неисполненія рижскаго договора не отрицается. Большевики лишь стремятся доказать, что и польское правительство не выполняетъ взятыхъ на себя обязательствъ, въ частности, — допуская существованію на своей территоріи различныхъ анти-совѣтскихъ русскихъ организацій.

Положеніе въ политическихъ кругахъ обостряется, какъ весьма серьезно. Совѣтскій посоль въ Варшавѣ Караканъ выступилъ на столбцахъ своего варшавскаго офиціоза — «Варшавскій Голосъ» — съ обширнымъ интервью, въ которомъ доказывалъ миролюбивую совѣтскую политику по отношенію къ Польшѣ. Между тѣмъ событія въ Варшавѣ и другихъ городахъ Польши со времени прѣзда въ Варшаву совѣтскаго посланца свидетельствуютъ о томъ, что подл. покровомъ этого вѣшняго «миролюбива» совѣтскаго правительства исползована новая форма взаимоотношеній съ Польшой для организаціи коммунистической пропаганды въ странѣ.

Въ-ротѣ польскаго правительства въ свое время было указано на цѣлый рядъ актовъ совѣтской власти, направленныхъ противъ нынѣшняго государственнаго и общественаго строя польской республики. Эти акты заключаются въ подготовкѣ и снабженіи деньгами органовъ коммунистической пропаганды въ Польшѣ. Теперь польская пресса приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, которые должны доказать, что совѣтское правительство исползовало пребываніе своего посланца въ Варшавѣ для перенесенія центра антиправительственной пропаганды въ Польшу изъ заграничя внутрь самой Польши. Такъ «Курьеръ Варшавскій» сообщаетъ, что съдѣлано возбудженное въ связи съ арестами коммунистическихъ агитаторовъ въ Варшавѣ дано указанія на причастность къ агитаціи члена русской релігіозно-политической комиссіи Игнатова. «Газета Порана» утверждаетъ, что въ связи съ пребываніемъ въ Варшавѣ Каракана въ Польшѣ участія въ забастовки и усилилась внутренняя коммунистическая пропаганда, другія газеты также приводятъ цѣлый рядъ членнистическихъ сообщеній, а «Курьеръ Польскій» прямо ставитъ вопросъ: имѣетъ ли при создавшемся положеніи вообще какой либо смыслъ поддерживать дипломатическія сношенія между Польшей и Совѣтской Россіей? Сегодняшніи телеграммы сообщаютъ, что польское правительство оказалось вынужденнымъ приостановить изданіе варшавскаго органа русскихъ большевиковъ — газеты «Варшавскій Голосъ».

Помимо недовольства дѣятельностью совѣтскихъ агентовъ въ Польшѣ по существу, польское общественное мнѣніе возмущено и вѣдшимъ характеромъ отношеній совѣтскаго правительства къ представителямъ Польши, находящимся въ Москвѣ: польская комиссія по возвращенію въ Польшу находящагося къ Россіи Совѣтскаго имущества, прибывшая въ Москву нѣсколько недѣль тому назадъ, до послѣдняго времени вынуждена была жить въ вагонахъ, такъ какъ совѣтскія власти все не находили возможнымъ предоставить комиссіи соответствующее помѣщеніе. Только на дняхъ комиссія, персоналъ которой насчитываетъ 80 лицъ, получила въ свое распоряженіе 12 комнатъ. Въ другихъ отношеніяхъ также проявляется демонстративное неуваженіе представителей совѣтскаго правительства къ представителямъ Польши.

Все это вмѣстѣ взятое вызвало въ польскихъ политическихъ кругахъ сильное недовольство. Положеніе настолько обострилось, что въ Варшаву былъ экстренно вызванъ изъ Москвы польскій посланникъ въ Совѣтской Россіи Фимшиновичъ. Съ его